

*Посвящается каждому, кто скрывает свою жестокость,
неуемную жажду и темные желания, потому что правда
слишком уродлива, чтобы произнести ее вслух.*

*Не прячьтесь.
Вы очаровательны.*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ТРИГГЕРАХ

Дорогой читатель, это мрачный дарк роман, который включает в себя убийства, насилие, принуждение и откровенные сексуальные сцены. Я пишу про неоднозначных, морально серых героев. Пожалуйста, внимательно прочтите список триггеров, прежде чем приступить к истории. **Ваше психическое здоровье имеет значение.**

Триггеры:

Психопатия (у главного мужского персонажа);

Социопатия (у главного женского персонажа);

Взаимное преследование;

Дабкон (сомнительное согласие);

Игры разума;

Гибристовилия (девиация, связанная с половым влечением к человеку, о котором заведомо известна информация о совершении тяжких преступлений);

Фрагмент ворарефии (вид фетишизма, при котором человек получает удовольствие от фантазий быть съеденным или съесть другого человека (чаще всего целиком));

Каннибализм;

Сцены насилия, жестокие убийства, нераскрытые преступления;

Неподтвержденная шизофрения;

Клептомания;

Подробные сексуальные сцены, которые включают в себя: игру со страхом, игру с дыханием, игру с ножом, игру с кровью, сомнофилию, секс с использованием посторонних предметов.

Если вы все еще хотите почитать о вежливом психопате, смертельно одержимом вами, то добро пожаловать на темную сторону и приятного чтения.

ПЛЕЙЛИСТ

The Neighbourhood — A Little Death

alt-J — Fitzpleasure

John McCrea — I Wanna Be Your Dog

Lana Del Rey — Ultraviolence

Arctic Monkeys — Do I Wanna Know?

Unloved — Her

Lana Del Rey — Doin' Time

The Neighbourhood — Afraid

Sean Biopcik — Moment

The Acid — Basic Instinct

Steelfeather — With the Devil I'm Going Down

Nessa Barrett feat. Jaden Hossler — la di die

Marino — Devil in Disguise

Massive Attack — Angel

Artemas — how could u love somebody like me?

I Monster — Who Is She?

ПРОЛОГ

Шекспир писал:

«Отнюдь; нас не страшат предвестия; и в гибели воровья есть особый промысел. Если теперь, так, значит, не потом, если не потом, так, значит, теперь; если не теперь, то все равно когда-нибудь; готовность — это все. Раз то, с чем мы расстаемся, принадлежит не нам, так не все ли равно — расстаться рано?»¹

Эта строка восходит к Евангелию от Матфея:

«Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего»².

Таким образом, Шекспир вводит идею предопределения и божественного вмешательства даже в самые незначительные события.

Включая смерть.

Так когда же настанет моя?

Учитывая, что Бог оставил меня пятнадцать лет назад, было ли в случившемся какое-то дерьмовое пророчество?

Рано утром я выезжаю из Кембриджа в Лондон.

Старый фордовский пикап громыкает на трассе, спеша сквозь предрассветный трафик.

В салоне пахнет бензином, сыростью и кожей, а по радио играет «Angel» группы Massive Attack, заглушая дождь, который барабанит в окна.

Несмотря на осенний холод, лоб покрывается испариной. Я закуриваю сигарету, стуча пальцами по рулю.

...Где твое искупление, милая?

¹ Уильям Шекспир «Гамлет». Акт V, сцена II (перевод М. Лозинского).

² Евангелие от Матфея (10:29).

Гнев жжет стенки желудка, пока телефон разрывается от звонков и сообщений. Последнее приходит от Вивьен:

«ГДЕ ТЕБЯ НОСИТ? ПЕРЕЗВОНИ МНЕ!»

...Разве твое сердце бьется?

Я чувствую, как начинаю неконтролируемо дрожать, и вслушиваюсь в голос ведущего, прервавшегося на прогноз, дорожные сводки и новости.

— ...В Лондоне сегодня ожидается прохладная и пасмурная погода, температура воздуха составит около 50°F¹. Возможны легкие дожди, сопровождаемые порывистым ветром со скоростью до 15 миль в час... Пропал без вести министр...

Я тут же заглушаю звук.

Каждый мускул в теле напрягается, пикап самопроизвольно замедляет ход.

Сзади сигналият машины — и я вынуждена свернуть на обочину, чтобы не попасть в аварию. Открыв дверь, я вылетаю на улицу, а затем сгибаюсь пополам от резкого приступа рвоты.

Сигарета выпадает из пальцев и тлеет на асфальте, пока дождь не гасит ее.

Я промокаю насквозь за считанные секунды. Под напором дождя мне трудно дышать. В горле застревает крик, который так и не вырывается наружу.

Черт, что я делаю? Мне нужно пройти через это.

Ради Лукаса.

Ради Мириам.

Я выпрямляюсь, вытирая рот тыльной стороной ладони. Ливень хлещет по лицу, стараясь смыть грязь, которую я копила в себе годами. Но это невозможно.

Грехи и демоны окружили меня плотной липкой оболочкой. Они не смываются, не уходят. Они истошно кричат, забирая с собой чужой голос.

Я сажусь обратно в машину, захлопываю дверь.

¹ 50°F примерно равны 10°C.

В салоне воцаряется тишина, прежде чем снова включается радио:

— ...Последний раз его видели в субботу вечером в центре Лондона. Полиция начала расследование и ведет поиски. Правительство призывает граждан сообщать любую информацию, которая может помочь в розыске.

Ногти впиваются в ладони, тонкая ткань черного платья противно прилипает к коже.

Я включаю фары, мигающий поворотник отмеряет секунды: тик-так, тик-так, тик-так, как прогнившее сердце, сбившееся с ритма.

Не знаю, но почему-то мне казалось, мне хотелось думать, что это просто сон.

Кошмар, после которого вы просыпаетесь в холодном поту и больше не можете заснуть.

Я смотрю на дрожащие руки, покрытые густой алой кровью, — она капает на колени и пачкает ботинки.

Я смеюсь и бесконечно повторяю себе: это нереально.

Этого не существует.

Через полтора часа, пролетевших как одно мгновение, я приезжаю на кладбище «Кенсал Грин», расположенное в районе Хаммерсмит и Фулхэм.

Официальное название: Кладбище всех душ. Оно было создано 1883 и вдохновлено парижским кладбищем Пер-Лашез.

Я лениво ищу место сбора, разглядывая готические памятники и чувствуя, как знакомый запах наполняет легкие. Острая скорбь пронзает грудь со всей силой.

Я не была здесь с тех пор, как умерли мои родители.

Здесь похоронены многие выдающиеся люди, включая художников, ученых, политиков, бизнесменов и членов королевской семьи.

Мы утратили свое наследие, но сохранили помпезное место для смерти.

Полностью в духе Ашборнов.

Первой умерла мама, и единственные слова, которые сказал отец, оплакивая ее возле могилы, навсегда запечатлелись в моей памяти:

«Ад пуст, и все дьяволы сюда слетелись»¹.

Шекспир окружал меня всю мою жизнь, и возможно, поэтому прошлое превратилось в трагедию.

Когда я вхожу в церковь, всхлипы и шепот разносятся по всему пространству. Я не смотрю по сторонам, никому не отвечаю, только сажусь на свое место, пытаюсь отключить мозг на ближайшее время.

Священник читает проповедь, рассказывает о покойном, зачитывает некролог, но я продолжаю думать о прошлогодней лекции, о проблеме Эдуарда в эссе, о незаполненном расписании. Похороны обошлись мне в четыре тысячи фунтов, придется взять кредит.

Когда плач Элены становится громче и все заканчивается, я встаю и ухожу. Пробираясь через толпу, она ловит мой взгляд, однако я хочу добраться до пикапа раньше, чем меня настигнет ее голос.

Элена превратит смерть Лукаса в цирк, Лукас больше не будет иметь ничего общего с театром. Только не он.

С нас достаточно.

Больше никакого театра. Никакого Шекспира. Ни его смеха, ни улыбки.

Все, что я когда-то любила, умерло.

Мои пальцы дрожат, когда я открываю дверь машины. И тут до меня доносится вопрос:

— Ты наконец-то сдалась?

Я замираю, не оборачиваясь.

— Когда-то это должно было закончиться.

— Я рад.

Глаза жжет от непролитых слез. Я сажусь в машину, но Эрик ловит дверь раньше, чем я захлопываю ее.

¹ Уильям Шекспир «Буря». Акт I, сцена II (здесь и далее — перевод автора, если не указано иного).

Он смотрит на меня сверху вниз. Его потемневшие глаза прожигают во мне дыру.

— Хватит, — умоляю я.

— Надеюсь, теперь ты станешь свободна.

Истерический вздох вырывается из моей груди непроизвольно.

— Что, черт побери? Свободна? Я никогда не буду свободна, и ты это знаешь.

— Нет, я не знаю, Изабелла. Скажи мне, почему ты позволила закрыть дело?

— Они не поверили мне тогда, не поверят и сейчас.

Его губы искажаются в едва заметной ухмылке.

Чон всегда был таким. Равнодушным, ледяным, привыкшим раздавать приказы. Было бы странно, если бы они не были друзьями.

— Ты единственная, кто имел для него значение. И ты предала его.

Я плотно сжимаю губы, чтобы не разрыдаться.

Я убивала боль заново каждый день, кричала ей в лицо, что победила. А теперь она снова душит меня — в воспоминаниях, в его непроходящем голосе и призрачных, все еще горящих на коже прикосновениях.

— Ты ничего не знаешь о преданности.

— Пусть так. Где он?

— Откуда я знаю?

— Ты до сих пор умная, упрямая лгунья. Я не думаю, что ты оставила все позади. Я думаю, что теперь ты не уверена. Я могу тебе помочь, но взамен ты должна перестать врать.

Мне хочется ударить себя за злость, не поддающуюся контролю.

Кровь льется с моих рук сплошным потоком, и впервые я не слышу его голос.

— Разве ты еще не понял? — Я смеюсь. Громко и пронзительно.

Эрик смотрит на меня как на безумную, но мне все равно.

Я хватаю его за галстук и тяну на себя, чтобы он осознал каждое мое слово:

— Я чудовище в этой истории.

Мы смотрим друг на друга несколько секунд, а затем Эрик мягко отпускает мои пальцы и отходит назад, позволяя полиции соблюсти процедуру.

Вот и все.

— Изабелла Ашборн?

Мои губы почти не двигаются, когда я отвечаю:

— Да.

— Вы арестованы по подозрению в убийстве. Вы имеете право хранить молчание. Однако это может повредить вашей защите, если при допросе вы не упомянете то, на что позже будете ссылаться в суде. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас...

Сложно сказать, с чего все началось. Что послужило катализатором разрушения.

Но я возненавидела его с первой секунды.

Темные густые волосы. Кожа — бледная до болезненности, оттенка мраморной статуи, будто он существовал вне времени, вне жизни.

Но больше всего меня поражали его глаза — холодные, тяжелые, лишенные всякой теплоты, всякого намека на человечность.

Он отравлял. Он убивал.

И он влюблял в себя с такой легкостью, что никто не мог вынести этот яд.

Никто, кроме меня.

Меня зовут Изабелла Ашборн.

И я убийца.

АКТ I

Полиция Великобритании усиливает давление на власти с требованием расширить полномочия по раскрытию информации в делах с высоким общественным резонансом. Это связано с ростом дезинформации, которая подрывает доверие к правоохранительным органам и осложняет расследования.

В Уэст-Мидлендсе был задержан Стивен Летсби, получивший прозвище «Потрошитель». Его обвиняют в серии жестоких убийств — двадцати женщин и тридцати шести мужчин. Расследование раскрывает тревожные детали, свидетельствующие о системных сбоях в работе служб безопасности.

В Лондоне продолжает нарастать кризис доверия в деловом секторе после убийства генерального директора компании Collapse. Фигура, тесно связанная с рухнувшим инвестиционным фондом «Виктория», который признан схемой Понци с общими убытками порядка 60 миллиардов фунтов. В числе погибших — несколько ключевых акционеров, часть из которых признана жертвами самоубийств. Несколько сотрудников фонда уже приговорены к длительным срокам заключения.

За последний год уровень преступности в стране вырос более чем на 40%. Ужесточение законодательства привело к росту социальной напряженности и бедности.

Эксперты предупреждают о приближении экономического и общественного кризиса, сравнимого с событиями 2008 года.

СЦЕНА 1

ПЕРСЕВЕРАЦИЯ

«Loving me is suicide

...Любить меня — самоубийство:

I'm a dreamer, I'm on fire

Я мечтательница, я сгораю.

La da di run for your life

Ла-да-ди, беги, чтобы спасти свою жизнь»

Nessa Barrett feat. Jaden Hossler — la di die

Местоположение неизвестно.

Феникс

Густой липкий запах просачивается в сжавшиеся легкие.

Свечи здесь давно погасли, но как бы я ни пыталась задержать дыхание, из кадилъницы все еще доносится аромат ладана и мирры.

Он проникает под кожу, отравляет ядом, вгрызается во внутренности, заставляя упасть на колени и молиться у алтаря.

Приглушенный свет проникает сквозь витражные стекла, окрашивая стены в цвета яркой птицы с желтым животом и синими пушистыми перьями. Синица?

Ты видишь ее? Ты видишь?..

Ходят слухи, что в этой часовне обитают потерянные души, оставившие отметины еще в прошлой жизни.

Когда-то я оставила здесь свою.

Давай поймем ее, Иса! Иса, быстреей!..

Я медленно фокусирую сонный взгляд, изо всех сил сжимая зубы и впиваясь ногтями в кожу — до тех пор, пока видение не начинает дрожать.

Я грешница.

И никакие молитвы не искупят мои грехи.

Желудок горит от вчерашнего алкоголя, словно кто-то решил устроить пожар прямо в моих внутренностях. Слабые лучи солнца пробиваются через высокие деревья и пляшут на лице, как маленькие сумасшедшие тени.

Сегодня мне удалось проснуться в лесу.

— Блядь, — шиплю я, пытаюсь прогнать остатки сна. Губы кривятся в улыбке.

Тяжело дыша, я поднимаюсь на ноги и закрываю глаза, пытаюсь справиться с приступом истеричного смеха и болью в онемевшем теле.

Дело в том, что вчера я вступила на территорию, которую успешно избегала последние несколько лет.

Кингстон. Альма-матер наследников старой крови, будущих министров, банковских династий и титулованных социопатов с манией величия.

Это последнее место, где я хотела бы оказаться по собственной воле, но пришло время платить Мириам по долгам. Диплом Кингстона — единственное условие, при котором моя сумасшедшая тетка согласна отдать мне семейный дом.

Пометка: не трахаться с любовниками своего единственного опекуна.

Очередной раздраженный вздох вырывается из легких, образуя в воздухе мягкие клубки пара. Сначала нужно найти машину. Я отталкиваюсь от дерева и иду в случайном направлении, надеясь, что мои прекрасные ботинки на платформе приведут меня к трассе.

Лунатизм — не такое редкое заболевание. Подобным расстройством сна страдает около пятнадцати процентов земного шара, но мой случай на редкость дерьмовый.

Не думаю, что предки гордились бы мной.

Да ладно, кто вообще гордится мной? Я безумная, беспринципная, эгоистичная сука. И это еще мягко сказано.

Когда-то моя семья владела старинным поместьем в графстве Сассекс, а теперь мы бедные крысы, потерявшие все влияние и едва ли не готовые драться за еду. В двадцатом веке Ашборны были известны как благотворители и покровители искусств, но также славились молчаливыми трагедиями и смертями в молодом возрасте.

Несколько поколений страдали от наследственного безумия — то ли шизофрения, то ли мистическое проклятие.

Может быть, я действительно проклята.

Потому что я разрушаю все, к чему прикасаюсь.

«Здесь в людских улыбках — кинжалы. Здесь ближайший всех по крови — кровавей всех...»¹ — строки из «Макбет» звенят в ушах, как непрожитое проклятье, а в голове проносятся воспоминания прошлого вечера.

Я заглушила тревогу парой бесплатных кружек пива в душном баре неподалеку от вокзала Эдинбург-Уэверли, а затем направилась в район Морнингсайд. Старое здание, построенное как баптистская церковь в викторианский период, превратилось в театральное место, где группа четверокурсников играла спектакль Шекспира.

Мои мысли обрываются, когда ледяной порыв ветра проникает прямо в кости. Мрачная атмосфера, подобно фильму ужасов, гудит на поверхности. Я оглядываюсь, чувствуя резкое жжение в глазах, и в замешательстве провожу рукой по лицу.

Жирные белые остатки грима окрашивают пальцы. В моих темных прямых волосах застряли лепестки

¹ Уильям Шекспир «Макбет». Акт II, сцена III (перевод М. Лозинского).

цветов, а на потрескавшихся губах еще осталась помада.

Я тяжело сглатываю, пытаюсь смягчить сухое горло.

Это не Макбет. Я играла Офелию.

Резкая порция адреналина пробегает по позвоночнику и оседает в желудке, как раскаленные угли.

Твою мать, я хотя бы в Шотландии?

Что? Вам следовало догадаться, что я не самая праведная протестантка.

Я лезу в карман джинсов, чтобы достать телефон, но пальцы нащупывают только ингалятор. Боже. Следующие полчаса я тону в своих страданиях, блуждая по незнакомому лесу в попытке добраться до людей.

Эмоциональная перегрузка — частый триггер. Это уже не первый раз. Обычно я закрываю все окна, балконы и двери, принимаю седативное и надеваю на себя наручники, предварительно установив датчики движения.

Сердце громко бьется в груди — на меня медленно накатывает дерьмовая реальность. Я плотнее закутываюсь в куртку и брожу до тех пор, пока не выхожу к старому кладбищу.

Густой туман застилает мои высокие сапоги, обволакивает могильные плиты и кованые ограды. Надгробия покрыты мхом и старыми трещинами, охраняемые почти живыми ангелами, которые подняли свои крылья к тяжелому пасмурному небу.

Несколько дождевых капель попадают за шиворот, заставляя меня поежиться, а через жалкое мгновение обрушивается дождь. Вокруг нет ни души, если не считать спящих под землей мертвецов.

Отлично. Просто, черт побери, замечательно.

Зловещая тишина царапает кожу, учащенное сердцебиение разрывает грудную клетку, и все, о чем я могу думать, — это новостные газеты с заголовком:

ИЗАБЕЛЛА АШБОРН. ПРОПАЛА БЕЗ ВЕСТИ.

Девушка. Темные волосы, карие глаза, загорелая кожа. Черная куртка, вызывающее платье. Что они обычно пьют?

Ради бога, Иса. Хоть раз позаботься о сохранении своей задницы.

Мои пальцы раздраженно стучат по бедру, когда я шагаю вдоль захоронений, рассматривая заросшие сорняками подписи: *Мойра Маккензи, 1912-1945; Эван Мактавиш, 1908-1945; Мэрион Фрейзер, 1920-1956; Каллам Маклейн, 1895-1940; Сибилла Макквин, 1903-1945...*

А затем я вижу человека.

Я открываю рот, чтобы попросить о помощи, а затем захлопываю его, удивленно отшатываясь и заторможено оценивая происходящее.

Что-то недоброе проникает в сознание.

Это похоже на легкое, едва ощутимое предчувствие, после которого на вас несется фура — и перед самым столкновением глаза ослепляет светом фар.

Высокая фигура мужчины методично опускает лопату во влажную землю, пока возле его ног крутится пара сильных собак. Они начинают лаять, и я вздрагиваю, но их хозяин не оборачивается.

Он элегантен. Даже изящен.

Черные волосы лезут на идеальный лоб, которого иногда касаются длинные пальцы, облаченные в перчатки. Темный джемпер по горло, идеально посаженные брюки, поверх — расстегнутое пальто.

Он выглядит нереальным. Иллюзорным.

Высокий, как Бог, со своими шестью с половиной футами роста, и злобный до такой степени, что напоминает ангела смерти Азраила.

Верующим он внушает спокойствие, а грешникам — ужас. Такой сильный, что от страха у них будут разрываться внутренние органы.